

Западная печать о брошюре Солженицына

БЛАГОТВОРНЫМ проявлением советской гласности является то, что Александр Солженицын смог наконец непосредственно обратиться к советской аудитории во время бурных национальных дебатов. Его первое всеобъемлющее заявление по поводу эры Горбачева публикуется как специальное приложение к газете для молодых коммунистов. Однако нигде в своем эссе объемом в 16 тысяч слов Солженицын не упоминает имени Михаила Горбачева. Великий изгнанник также не превозносит реформы, давшие ему возможность принять участие в этих дебатах.

Будет справедливым заметить, что Советский Союз изменился больше, чем его самый непримиримый критик. Для сравнения: Андрей Сахаров, физик и борец за свободу, видел эти перемены и старался обратить их на благо демократии.

Солженицын нетерпим к парламентам и выборам и вместо этого призывает к созданию автократии, основанной на православии и русском национализме. Он хотел бы распустить Советское государство и создать новое — более великую Россию, — которое включало бы Россию, Украину, Белоруссию и русифицированную часть Казахстана.

Эта точка зрения вряд ли может быть близка нерусским и особенно украинцам. Кроме того, принимая значение демократии, Солженицын, по-видимому, игнорирует опасности, связанные с неконтролируемой, ненасытной властью, о которых так незабываемо рассказано в его книгах.

К чести советского президента Горбачева, он дал высокую оценку этому великому диссиденту и назвал его эссе важным, несмотря на то что выразил несогласие с его тезисами. Солже-

ницын, не подвергаемый более остракизму и оскорблениям, может теперь более справедливо оцениваться русскими таким, каков он есть: пророком, чья злая риторика оттесняет на второй план его политическое здравомыслие.

Не случайно, что его эссе публикуется сразу же после издания посмертных мемуаров Сахарова, такого же борца за политические права и права человека. Говоря о Солженицыне, этот физик выражает свое глубокое уважение к историческим достижениям писателя в деле разоблачения преступлений государства, его гневному отказу идти на компромисс со злом, глубине и остроте его ума.

«Нью-Йорк таймс».

МАЛО кто сомневается в том, что Александр Солженицын — величайший из живущих русских писателей, но его соотечественники допустили бы ошибку, посчитав его разумным политическим деятелем, предлагающим правильный план на будущее.

Важно различать Солженицына — писателя и Солженицына — государственного деятеля, поскольку нобелевский лауреат призвал сейчас славянские республики отделиться от Советского Союза и создать собственный «Российский Союз».

Хотя самый знаменитый из бывших узников сталинских лагерей живет сейчас в эмиграции в Кавендише (штат Вермонт), он захотел поделиться своими мыслями с большой аудиторией: 22 миллионами читателей «Комсомольской правды» и 4 миллионами читателей «Литературной газеты».

Автор таких монументальных работ, как «Архипелаг ГУЛАГ», пользуется огромным авторитетом среди читающей советской

публики, и его архаические взгляды могут сыграть важную роль в нынешних дебатах о том, как спасти разваливающийся Советский Союз.

В некоторых аспектах Солженицын близок к Борису Ельцину, который также готов освободить другие республики. Солженицын также заявляет, что готов вернуться, если против него будет снято обвинение в измене Родине, и они с Ельциным могли бы стать грозными соперниками. При этом точка зрения Солженицына противоречит видению советского президента Горбачева. Последний выступает за «добровольный» союз «суверенных» пятнадцати республик, при котором Москва сохраняет немалую власть над вооруженными силами, внешней политикой, финансами, транспортом и связью.

Солженицын правильно полагает, что время для реализации этих планов ушло: во многих окраинных республиках центробежные силы набрали такую силу, что их нельзя остановить без насилия и крови, да и не надо удерживать их такой ценой. Все движется вперед и столь безостановочно, что в любом случае Советский Союз развалится.

Один фактор противоречит теории развала, предлагаемой Солженицыным: руководители армии, КГБ, миллионы бюрократов и функционеров коммунистической партии кровно заинтересованы в «союзе» и вряд ли мирно уступят свои посты и привилегии. Это означает, что насилие и кровь, о которых предупреждает писатель, могут действительно сопровождать рождение новой России, которая может оказаться более милосердной или более жестокой, чем сегодняшняя.

«Вашингтон таймс».